

DOI: 10.31857/S0869049922050045
EDN: EZXYEY

УНИВЕРСАЛИЗМ VS МНОГООБРАЗИЕ UNIVERSALISM VS DIVERSITY

Оригинальная статья / Original Article

Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим¹

© И.С. СЕМЕНЕНКО, Т.И. ХАЙНАЦКАЯ

Семененко Ирина Станиславовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), semenenko@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2529-9283

Хайнацкая Татьяна Игоревна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), tkhaynatskaya@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6364-4765

В статье анализируется современное состояние научного дискурса о социальном государстве, а также оцениваются перспективы утверждения новых подходов к управлению социальным развитием. На основе изучения массива документов международных организаций и стратегических программных документов государств-членов сетевого «Альянса за экономику благополучия» (Новая Зеландия, Шотландия, Исландия, Уэльс и Финляндия), данных международных рейтингов, материалов экспертных дискуссий и корпуса научной литературы выявлены актуальные направления дискурса, связанные с продвижением «экономики благополучия» в контексте парадигмы устойчивого развития, которая определяет мейнстрим дискуссии о развитии. Рассмотрены системные ограничения концепта экономики благополучия и самой парадигмы устойчивого развития, обозначены новые вызовы, с которыми сталкивается их реализация в условиях ресурсного дефицита и роста международно-политической напряженности. Обоснован вывод о невозможности продвижения универсальных моделей и о новом содержании самих принципов универсализма применительно к

---

¹ Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075–15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No 075–15-2020-783).

общественному развитию – признании многообразия смыслов и измерений благополучия, а также первостепенной значимости культуры диалога, конструктивного, ориентированного на развитие взаимодействия на основе ответственного нравственного выбора.

Ключевые слова: дискурс, социальное государство, благополучие, благосостояние, экономика благополучия, «Альянс за экономику благополучия», бюджет благополучия, общество участия, политико-экологические дискурсы, устойчивое развитие, ответственное развитие

Цитирование: Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. (2022) Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045, EDN: EZXYEY.

Well-Being Discourses in an Environment of “Unsustainable Development”: Bridging the Past and the Future

© I.S. SEMENENKO, T.I. KHAYNATSKAYA

Irina S. Semenenko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), semenenko@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2529-9283

Tatiana I. Khaynatskaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), tkhaynatskaya@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6364-4765

Abstract. The research paper examines recent developments in expert discourse regarding transformations of the welfare state and its future. The research field embraces international organizations’ visions and national strategic programme documents of the Wellbeing Economy Governments partnership members (New Zealand, Scotland, Iceland, Wales, and Finland), international rankings data, expert discussion papers and research literature. The well-being economy model – the key focus in this discussion – is part of the sustainable development framework, its advocates and supporters seek to contribute to the mainstream discourse on development. These models are now facing severe systemic limitations, due to emerging challenges in the context of resource scarcity and growing international and political tensions. Promoting universal models appears to be an unsustainable challenge; in an international environment of “unsustainable development” a reference framework for development relies on a diversity of approaches to progress in well-being and on principles encompassing a dialogue culture and on responsible commitment to development goals.

Keywords: discourse, social state, welfare state, welfare, well-being, well-being economy, well-being budget, Wellbeing Economy Alliance, political-environmental discourses, sustainable development, responsible development

Citation: Semenenko I., Khaynatskaya T. (2022) Well-Being Discourses in an Environment of “Unsustainable Development”: Bridging the Past and the Future. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045, EDN: EZXYEY.

Концепт «устойчивого развития» насчитывает уже более трех десятилетий. Со времен работы «Комиссии Брундтланд»², которая сформулировала повестку дня развития «без ущерба будущим поколениям»³, в общественной дискуссии появились новые подходы, нацеленные на решение многозначной задачи «будущего для всех». Достаточно вспомнить «третий путь» – взятый на вооружение британскими лейбористами и политиками других стран Запады курс на синтез неолиберальных экономических установок и элементов социального государства, обоснованный и популяризированный Э. Гидденсом и его единомышленниками [Giddens 1990; 1998]. «Новый коммунитаризм», принципы которого развивал в своих широко известных трудах А. Этциони [Etzioni 1993; 1997], ориентировал на продвижение идеала сообществ, сплоченных общими нравственными установками и созидательными социальными практиками. Внимание к этому измерению также привлекли труды Э. Остром [Ostrom 1990] – первой женщины-лауреата премии Банка Швеции по экономике (Нобелевская премия по экономике, 2009 г.). Еще одним измерением этого дискурса стали стратегии корпоративной социальной ответственности и модели «корпоративного гражданства» для бизнеса, которые трансформировались в популярные сегодня критерии «экологии, социальной политики и корпоративного управления» (Environmental, Social and Governance (criteria), ESG). Как и вариации «зеленого перехода» – неизменной части современной политической повестки Запады и беспрецедентного по масштабам бизнес-проекта «зеленого» лобби – эти идеи соотносились с философией устойчивого развития в рамках модели «нового капитализма». Ее сторонники считали, что в результате пресловутого «конца истории» открываются новые перспективы.

Осмысливая пройденный за тридцать лет путь, нельзя не согласиться с выводом о том, что этот популярный в конце тысячелетия лозунг в реальности означал «начало конца глобальной иерархии политических понятий Запады, в центр которой помещались общества, идентифицирующие себя как рыночные либеральные демократии» [Мартынов 2021, 112]. Сложившийся понятийный консенсус рушится на глазах, и не только ввиду очевидных трансформаций в структуре миропорядка, но и под влиянием радикальных изменений в социальных и культурных нормах, регулирующих общественные отношения в западных социумах, из которых этот консенсус и берет начало. Под вопросом оказываются ориентиры желаемого будущего, сама возможность найти общий вектор политического и социокультурного развития для разных по характеру политической культуры и ресурсной обеспеченности сообществ.

В западных обществах «устойчивое развитие» в идеале воспринималось как результирующая политической демократии и социального государства, корреляции трендов развития институтов политического участия и социальной поддержки населения со стабильным экономическим ростом. В свою очередь, размывание консенсуса вокруг целей развития и самого образа будущего во многом связано с кризисом институтов социального государства и с исчерпанием возможностей западных обществ обеспечивать себе прежний уровень жизни за счет ресурсов остального мира. Появился запрос на кардинальный пересмотр сложившихся в индустриальную эпоху моделей и приоритетов социальной политики, при этом в подходах политико-управленческих элит и разных социальных групп стран Запады намечались серьезные расхождения.

² По имени главы Международной комиссии по окружающей среде и развитию при ООН, тогдашнего лидера Норвежской рабочей партии и премьер-министра Норвегии, в современном правописании – Гру Харлем Брунтланд (норв. Gro Harlem Brundtland).

³ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. Oxford: Oxford University Press. 1987.

Попытки вывести научный дискурс о социальном государстве (государстве благосостояния, государстве всеобщего благоденствия – welfare state) на качественно новый уровень во многом связаны с трудностями генерирования в последние годы новых, прорывных идей в этой сфере. Неслучайно точкой отсчета в современной дискуссии остается исследование датского социолога Г. Эспинг-Андерсена, которое вышло в свет в период активного поиска новых моделей развития [*Esping-Andersen* 1990]. В этом рубежном для социальных исследований труде речь шла о перспективах «капитализма благосостояния» (welfare capitalism) как основания для обновления сложившегося в послевоенную эпоху в странах Запада общественного договора.

Кейнсианские истоки выделенных Эспинг-Андерсеном моделей стали достоянием экономической истории. В условиях сокращения ресурсной базы массовой социальной поддержки нынешние искания идут в направлении перераспределения ответственности между задающим приоритеты развития государством, бизнесом, который «генерирует» доходы, и гражданами, семьями и домохозяйствами как бенефициарами государственной политики. В центре дискуссии – вопросы ответственности и доверия. Распределение обязательств сторон и понимание их взаимного характера определяет направленность политики развития, но этические ориентиры такой политики остаются размытыми, а трактовка социальной нормы и форм ее политической институционализации становится предметом острых разногласий в экспертном сообществе [*Семенов* 2019; 2021].

В 2010-е гг. реформатирование шло за счет пересмотра приоритетов государственного регулирования и повышения ответственности граждан за обеспечение своего благосостояния. О конце «государства благосостояния» еще в 2013 г. было заявлено в Нидерландах: в этой богатой по меркам ВВП на душу населения стране (6-е место среди стран Европы, 54,3 тыс. долл. США по ППС, данные 2020 г.⁴) модель «общества благосостояния» уступила место «обществу активного участия» (participation society). Данный концепт развивал идеи и логику пресловутого «третьего пути». Его взяли на вооружение (гласно или негласно) политические элиты стран, которые строили свою социальную политику на принципах государственного перераспределения и социальной защиты массовых слоев. Такие эксперименты, как безусловный базовый доход – механизм «перехода к более ответственной личной стратегии каждого гражданина» на основе «монетизации» ресурсов социального государства – заметными успехами не увенчались [*Садовая* 2020, 70]. В условиях появления новых угроз благосостоянию человека, связанных с пандемией, градус дискуссии о пределах взаимных обязательств участников социальных взаимодействий – государства, бизнеса, семьи, индивида – и их последствиях для обеспечения гарантий индивидуальных свобод человека и гражданина заметно повысился.

В начале XXI в. в повестке дискуссий произошел радикальный сдвиг от фокуса на социальных проблемах к вопросам изменений климата и экологической деградации окружающей среды. В то же время все громче звучит требование обеспечить экологическую и социальную «связку», интегрировать экологическую составляющую в социальное измерение политики развития. Если кратко обозначить контуры актуальной дискуссии, стоит вопрос о принципиальной возможности и о путях социального развития без ущерба окружающей среде и экологического развития без ущерба будущим поколениям. Достичь такой синергии предлагается за счет изменения вектора господствующей экономической модели в сторону пост-роста.

---

⁴ The Global Economy.com. Business and economic data for 200 countries. GDP per capita, PPP – Country rankings. 2020. (https://theglobaleconomy.com/rankings/gdp_per_capita_ppp/Europe/).

От «государства благосостояния» к «экономике благополучия»

Радикальные трансформации экономического уклада, произошедшие в рамках жизненного цикла одного поколения, поставили вопрос о переформатировании повестки дня социальной политики. Цифровая трансформация государства и дрейф рынка труда в направлении «невидимой цифровой платформы» сопровождается соответствующими переменами в регулировании сфер занятости, здравоохранения, образования и социального обеспечения населения, которые меняют повестку дня социальной политики [Социальное государство 2020]. Просматриваются ли в современных дискуссиях новые контуры системы управления социальным развитием? Насколько экспертный дискурс влияет на управленческую повестку дня? Или, напротив, импульсы идут от государства и от рынка, от игроков рыночной экономики и улавливаются экспертным сообществом?

Первые публикации по тематике благополучия как о приоритете развития появились в начале 1950-х гг. (в созданной в 2004 г. базе Scopus таких публикаций за 1951 г. зарегистрировано всего 6, десять лет спустя – 17). С конца 1970-х гг. начинается постепенный рост. Отчасти его можно объяснить реакцией научного и экспертного сообщества на опубликованный в 1972 г. доклад Римского клуба «Пределы роста». В 2000-е гг. прирост идет уже быстрыми темпами: на рубеже третьего десятилетия века количество публикаций переходит 25-тысячный рубеж (в 2021 г. – 26429 публикаций). В центре внимания исследователей – теоретическое осмысление, качественные оценки и количественный анализ экономического благосостояния и социального благополучия, а также управленческие практики продвижения и поддержания благополучия. Сосредоточение на достижениях Запада как модели для остального мира в последние два десятилетия дополняется продвижением позитивного опыта и «лучших практик» незападного мира, но оценивают их в той же западочентричной парадигме⁵. В то же время набирающий обороты критический дискурс ориентирует на переоценку западного опыта как универсального, задаваясь вопросами о применимости моделей благополучия и предлагаемых механизмов их реализации (таких как Цели устойчивого развития (ЦУР) или ESG⁶), об «экологическом империализме» и «климатическом диктате» [Mazzocchi 2020, Нефедов 2005, Mohamed 1999]. Даже нынешний опыт европейских стран заставляет обращать внимание на различные приоритеты, связанные с особенностями политической культуры, национального самосознания и идентичности, но также и со структурой национальной экономики и идейными позициями политических лидеров (например, в таких разных национально-государственных сообществах, как Венгрия или Ирландия).

Сам термин «благополучие» (well-being) имеет долгую историю в философской и экономической мысли, но в социальных науках он укоренился во второй половине XX в. Благополучие стало референтным ориентиром при разработке и реализации управленческих практик, соответствующих повестке дня социального государства универсального западного образца. Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary) трактует термин «благополучие» как «состояние бытия или преуспевания в жизни; счастливое, здоровое или процветающее состояние; моральное или физическое благосостояние (человека или сообщества)»; толковый словарь Ожегова – как «спокойное и счастливое

⁵ Costa Rica tops the Happy Planet Index, beating Western economies on sustainable wellbeing. The 2021 Happy Planet Index. (<https://happyplanetindex.org/the-latest-happy-planet-index-costa-rica-tops-the-list-beating-western-economies-on-sustainable-wellbeing/>).

⁶ A critical look at the ESG market. CEPS Policy Insights. 2022. (<https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2022/05/A-CRITICAL-LOOK-AT-THE-ESG-MARKET.pdf>)

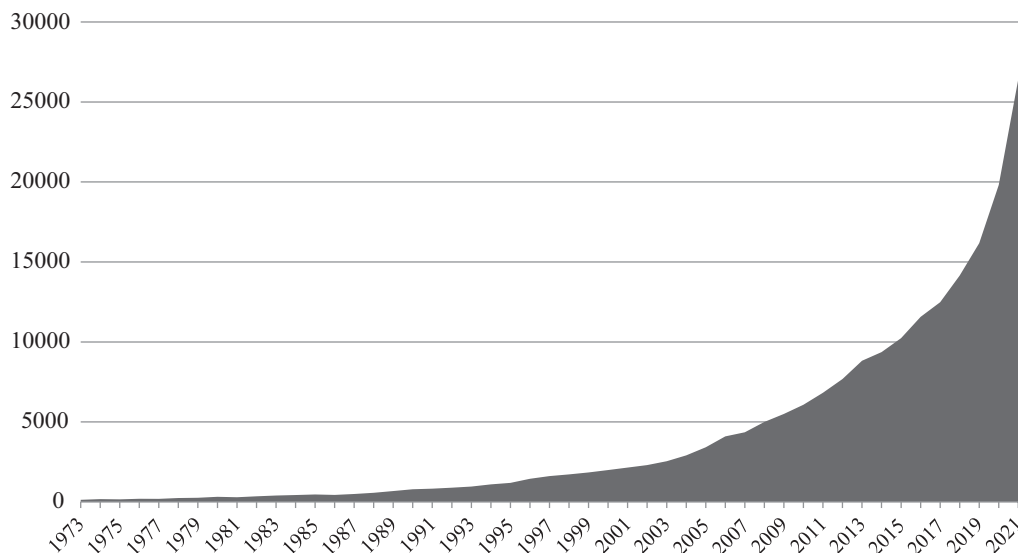
состояние» или «жизнь в довольстве». Смыслы, которые сегодня вкладывают в понимание «благополучия» как научной категории, во многом определяются историко-культурным контекстом исследования или приоритетами публичной политики.

Таблица 1

Количество публикаций по теме благополучия (well-being) в Scopus

Table 1

Number of publications about well-being in Scopus

Источник: составлено авторами на основе сводных данных публикаций, входящих в библиографическую и реферативную базу научной литературы Scopus.

Source: compiled by the authors based on summary data of publications included in the abstract and citation database of peer-reviewed literature Scopus.

Так, в Китае в официальном дискурсе констатируют построение «среднезажиточного общества»; в качестве ориентиров на будущее ставят задачи «достижения более заметных и существенных сдвигов во всестороннем развитии личности и в осуществлении всеобщей зажиточности населения»⁷. Лозунг «всеобщей зажиточности» появился в политическом дискурсе еще при Дэн Сяопине в начале 1980-х гг., тогда же был поставлен вопрос о том, как «избежать поляризации» между богатыми и бедными районами страны, «не ослабляя жизнеспособности развитых районов и не поощряя “питания из общего котла”» [Дэн Сяопин 1994, 470-471]. Спустя четыре десятилетия «идеальная цель, осуществление которой откладывалось до момента достижения высокого уровня экономического развития», «обрела конкретные очертания» [Гамза, Ломанов 2021, 150]. В движении по этому пути идеологи китайской модели развития видят не только своего рода стабилизатор, препятствующий дальнейшему росту неравенства, но и, в перспективе, инструмент сокращения неравенства, продвижения к социальной гармонии и стабильности. Есть и понимание появляющихся новых рисков: форсирование движения к «обществу всеобщей зажиточ-

⁷ Речь Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. Синьхуа Новости. Russian.News.CN. 2021. (https://russian.news.cn/2021-07/01/c_1310038413.htm).

ности» чревато «ослаблением мотивации людей к самореализации через упорный труд и индивидуальную активность» [Гамза, Ломанов 151].

Очевидно, что такой вызов стоит не только перед Китаем. Соотнесенность целей экономики благополучия и мотивации к развитию актуализирует вопрос об оценке психологического и этического измерений развития, об определении конкретных ориентиров и понимании перспектив. Под вопросом оказывается и сама принципиальная достижимость «общества благополучия». Данную тему обсуждают в основном применительно к здоровью населения и оценкам субъективного благополучия [Maccagnan et al. 2019]. Более широкое социальное видение – скорее исключение, оно присутствует в документах отдельных экспертных структур, работающих в сфере социального проектирования, однако система координат и стратегическое видение развития выстраиваются в соответствии со стандартами и приоритетами развитых стран Запада (см., напр., [Hellström et al. 2015]), которые задают тональность дискуссии. В последние годы проблемы беднейших стран остро звучат в научном поле в контексте постколониального дискурса.

Помимо наличия многозначных толкований с упором на экономические показатели либо на субъективное восприятие, и у отечественных, и у зарубежных исследователей есть трудности в разведении понятий «благополучия» (well-being или wellbeing) и «благополучия» (welfare). Зачастую эти термины используют как синонимы, однако в строгом смысле они имеют разные значения. Если благосостояние отражает материальную сторону вопроса, то благополучие характеризует именно состояние счастья и спокойствия [Цапенко 2015, 23] – ощущения переживающего эти состояния человека, которые экстраполируются на сообщество как носителя «совокупных» настроений его членов. Категория субъективного благополучия (subjective well-being) отражает состояние социального самочувствия индивида и социального климата сообщества. Как отмечают российские исследователи, сегодня «понимание того, что субъективное благополучие граждан входит в число важнейших задач, стоящих перед правительствами, стало мейнстримом» [Монусова, Гоффе 2020, 166]. Соответственно, растет количество работ, которые изучают не только психологические, но и экономические, и политические аспекты его влияния на общественное развитие. Однако методология «определения и измерения субъективного благополучия не отработана, что затрудняет его изучение и вынуждает относиться к субъективным оценкам сдержанно и осторожно» [Монусова, Гоффе 178]. Такие попытки предпринимались неоднократно, в результате общепринятой практикой при оценке благополучия национального сообщества стало соотнесение с рейтингами «Всемирного доклада о счастье», который ежегодно с 2012 г. выпускается под эгидой ООН и широко пропагандируется⁸, несмотря на спорность критериев оценки и самой возможности сравнительного оценивания социальной динамики государств по таким критериям.

Возможности политического манипулирования субъективными оценками в попытке вызвать предсказуемую реакцию и сыграть на негативных настроениях используются и в борьбе за голоса избирателей, и в навязывании управленческих решений. Отторжение также усиливается за счет переживания потенциальных опасностей, исходящих от глобальных угроз, от разрывов между технологическими возможностями их порождать и когнитивными и социально-психологическими ресурсами управления рисками; в этих условиях «идут поиски новых ролевых моделей успеха и “нарративов надежды”, основанных не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении» [Нестик, Журавлева 2020; 29, 22].

⁸ World Happiness Report. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 154.

У носителей религиозной картины мира такое поведение соотносено с Божественным замыслом о человеке и мире, с поисками высших смыслов бытия. Вопросы совместимости разных картин мира отражаются в современных дискуссиях о социальной справедливости (соотносящихся, в том числе критически, с эпохальной работой Д. Роулза [Rawls 1971]), о самой возможности «глобальной справедливости» (см. [Садовая, Сауткина 2015, 52-59]) и о социальном воображении как источнике формирования позитивного образа будущего. Носители разных картин мира наделяют саму категорию развития разными смыслами.

Понимание «принципиального многообразия форм внутреннего опыта людей, многообразия как культурных традиций, так и инновационных исканий» постулирует многомерность развития, которое поддерживают человеческие взаимосвязи и культура диалога [Рашковский 2022, 108-109]. Многообразие форм социального благополучия, которое определяет горизонты общественного развития, появилось в результате этой первичной многомерности межличностных и межгрупповых взаимодействий и их институциональных форм. Однако такие вопрошания находятся вне поля мейнстримного дискурса «устойчивого развития», которое постулирует ориентиры благополучия как сущность, заданную извне, как решенную за человека задачу, которая уже насыщена и перенасыщена экономическими и социальными смыслами и не вмещает разных толкований таких смыслов. За рамками данного дискурса остается духовное измерение развития, жизненная, экзистенциальная важность поиска путей преодоления глубокого духовного кризиса общества потребления. Игнорирование этой составляющей в публичном дискурсе усугубляет ценностные размежевания в современных обществах.

В настоящее время в экспертной среде в основном сложился консенсус вокруг ключевых приоритетов перехода к «жизненному благополучию». В их числе неизменно присутствует климатическая и экологическая повестки, проблемы неравенства и социального отчуждения. Помимо прочего, также остро ставится вопрос о демистификации экономического роста как универсального ответа на общественные запросы, об ориентации управленческих решений в экономике на улучшение уровня нематериального благосостояния нынешних и будущих поколений [Laurent 2021].

Опыт экспертных платформ: «Альянс за экономику благополучия»

Ответственность за продвижение привлекательных моделей «экономики благополучия» как основы нового общественного консенсуса, подорванного эрозией основ социального государства, сегодня ложится на экспертные сообщества и политические элиты продвигающих эти приоритеты стран. Все без исключения взаимодействия, нацеленные на привлечение широкого общественного внимания, осуществляются на открытых сетевых площадках, а их эффективность во многом зависит от экспертного обеспечения. Так, корпоративный бизнес уже не первое десятилетие популяризирует свою социальную ответственность в рамках моделей «корпоративного гражданства» и «стейкхолдерского капитализма», а его контрагенты действуют на многочисленных площадках гражданских инициатив «глобального гражданского общества» (см. [Перегудов, Семенов 2009]). Однако сами эти концепты теряют былую привлекательность в условиях кризиса западоцентричной модели глобализации. Популярными инструментами организации дискуссии и информационного присутствия стали различные экспертные рейтинги, которые оценивают состояние и даже «градус» общественных отношений [Садовая, Бардин, Довбыш 2016].

Поиски путей совмещения приоритетов и интересов разных стейкхолдеров идут вокруг повестки социально-экономического регулирования. Так, сетевой «Альянс за экономику благополучия» (Wellbeing Economy Alliance, WEAll) объединяет более 200 организаций

гражданского общества и бизнеса, ориентированных на продвижение этой повестки, а также граждан в личном качестве⁹. В рамках платформы создано Партнерство правительств стран, в которых вопросы благополучия не только включают в политико-управленческую повестку дня и в национальные стратегии развития, но и внедряют целевые показатели измерения благополучия в масштабах национальных и местных сообществ (Wellbeing Economy Governments Partnership, WEGo). В настоящее время в этом объединении участвуют Новая Зеландия, Шотландия, Уэльс, Исландия и Финляндия. Фактически данная инициатива призвана помогать в углублении сотрудничества, поисках инновационных управленческих подходов и решений и продвижении «хороших практик», а также в обмене опытом и информацией между участниками.

Организаторы нацелены расширять партнерство за счет государств и региональных правительств с разными экономическими показателями и разной социальной структурой, однако пока это относительно однородное объединение небольших северных и англосаксонских стран и регионов¹⁰. Каждая из них позиционирует себя как лидер на одном из ключевых направлений продвижения альтернативной социально-экономической повестки.

Новая Зеландия

Критика парадигмы экономического роста и динамики ВВП как показателя, который не отражает реальный уровень благополучия национального сообщества, прозвучала в научном дискурсе на рубеже 1990-х гг., когда новозеландский экономист М. Уоринг опубликовала книгу, заложившую фундамент для «феминистской экономики». Данный труд привлек внимание к вкладу в благосостояние женщин, ведущих домашнее хозяйство, который никак не учитывается в рамках ВВП – как и экологический ущерб от человеческой экономической деятельности [Waring 1988].

За прошедшие с тех пор три десятилетия споры об адекватных методах оценки уровня благосостояния только набирали обороты. Результатом стало продвижение международной системы подсчета Индекса человеческого развития, затем – Индекса развития человеческого потенциала под эгидой ООН. Всемирный экономический форум сегодня продвигает широкообсуждаемые проекты интеграции «экономики заботы» (care economy) – в том числе как путь к решению проблем гендерного равенства, особенно на примере пропагандируемого в этом контексте опыта незападных стран¹¹. Тем не менее, на пьедестале почета остаются традиционные показатели ВВП.

Еще в начале 1990-х гг. министр социального обеспечения Новой Зеландии представил инициативу «От благосостояния к благополучию», целью которой была мобилизация общества вокруг социальной повестки на долгосрочную перспективу [Player 1994]. Тогда инициатива фокусировалась только на социальном обеспечении и не затрагивала другие сферы. Сегодня Новая Зеландия – одна из немногих стран-лидеров в продвижении модели экономики благополучия. Уже четвертый год она утверждает так называемый бюджет благополучия, приоритеты которого – люди и окружающая среда. Решения об инвестициях принимают с учетом социальных и экологических показателей проектов. Однако

⁹ Wellbeing Economy Alliance. (<https://weall.org/>).

¹⁰ Составляющие Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии четыре региона (Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия) официально считаются отдельными странами (countries).

¹¹ Care economy: an opportunity to create jobs and close the gender gap. World Economic Forum. 2022. (<https://www.weforum.org/agenda/2022/05/care-economy-gender-gapdavos22/#:%7E:text=The%20care%20economy%20comprehends%20those,even%20less%20are%20considered%20productive>).

на реальную ситуацию в социальной сфере и в экологии эти решения пока существенно не влияют: ухудшается биоразнообразие, сказывается и влияние пандемии. По мнению критиков, «бюджет благополучия» не меняет логики функционирования экономической системы, а латает дыры, которые эта система оставляет¹². Однако и у самих критиков программы реализации намеченных целевых установок нет.

У Новой Зеландии есть опыт продвижения климатической повестки для достижения углеродной нейтральности – также неоднозначный с точки зрения достижимости результатов, но имеющий серьезную политическую и общественную поддержку. Есть и опыт интеграции приоритетов коренного населения в стратегии национального развития: политика бикультурализма обеспечила продвижение культуры маори как носителя уникального образа страны, активно продвигался «проект Новая Зеландия» как передовая общественная модель [Семенов 2021, 35–37]. Культурная идентичность включена в число ключевых метрик для измерения благополучия новозеландского общества наряду с вовлеченностью граждан и доверием к институтам власти, состоянием окружающей среды, здоровьем населения и обеспеченностью жильем, доходами и потреблением, работой и заработком, знаниями и умениями, безопасностью, социальными связями, субъективным благополучием и распределением времени между работой и досугом¹³. Однако социальное неравенство остается серьезной проблемой, а сочетаемость экономической, социальной и экологической повесток – системным вызовом как для нынешнего «правительства перемен», так и для продвижения приоритетов «экономики благополучия».

Шотландия

Именно Шотландия в 2018 г. взяла на себя инициативу по созданию партнерства WEGo на фундаменте сетевой платформы WEAll. Как и Новая Зеландия, Шотландия стремится к лидерству в продвижении новых моделей развития и ищет возможности самостоятельно позиционироваться в этой дискуссии и в продвижении модельных «хороших практик». Еще до официального принятия Целей в области устойчивого развития ООН (ЦУР) первый министр Н. Стерджен заявила, что Шотландия примет ЦУР и обеспечит международное лидерство в реализации этой повестки [Pautz, Collins 2019, 6].

В Шотландии активно внедряют целевые меры по продвижению концепта экономики благополучия и соответствующих управленческих подходов. Введены механизмы, которые могут способствовать успешной реализации намеченной повестки: выплата обеспечивающей достойное качество жизни заработной платы (Living Wage Scotland); поощрение социально ориентированных предприятий через Национальное агентство экономического развития (Scottish Enterprise) путем предоставления целевых грантов; принятие передового законодательства об изменении климата, которое ставит задачу достижения нулевых выбросов парниковых газов к 2045 г. Создана Комиссия по справедливому переходу, которая будет консультировать правительство в вопросах о том, как поддержать сообщества в условиях сворачивания отраслей, несовместимых с низкоуглеродной экономикой. Достижение нулевого уровня выбросов – один из приоритетов

---

¹² Budgets must do more than patch failures. Newsroom. 21.05.2022. (<https://www.newsroom.co.nz/budgets-must-do-more-than-patch-up-failures>).

¹³ Our People. Our Country. Our Future. Living standards framework: Background and future work. Wellington, New Zealand: New Zealand Government, The Treasury. 2018 (<https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2018-12/lsf-background-future-work.pdf>)

одноименной национальной структуры (Zero Waste Scotland)¹⁴, которая занимается продвижением проектов циркулярной экономики в сочетании с просвещением по вопросам ответственного потребления.

В декабре 2021 г. правительство Шотландии представило разработанный в сотрудничестве с Шотландской партией зеленых бюджет, в котором в числе приоритетов названы повышение благосостояния граждан и развитие социальной сферы, а также достижение экологической устойчивости. Отдельный раздел документа посвящен влиянию планируемых расходов на углеродные выбросы¹⁵. В числе инструментов, которые могли бы содействовать прогрессу в развитии экономики благополучия – Закон о расширении прав и возможностей местных сообществ и усилия по укреплению их благосостояния. В Шотландии дискурс благополучия активно продвигают на местном уровне.

Однако споры вокруг источников и приоритетов в выполнении таких амбициозных планов в нынешних условиях только обостряются, и сторонники концепции экономики благополучия критикуют советников нынешнего кабинета, которые продвигают принципы «зеленого роста» в рамках традиционной парадигмы рыночной экономики¹⁶. Постпандемийное восстановление, дефицит бюджета, ситуация вокруг Украины и последствия санкционной политики ЕС делают реализацию «бюджета благополучия» в задуманном объеме малореальной перспективой. Остро негативную реакцию глав финансовых ведомств Шотландии и Уэльса вызвало решение кабинета Б. Джонсона о выделении в июне 2022 г. очередного транша средств на военные поставки Украине частично за счет их социальных бюджетов¹⁷. В соответствии с принципами деволюции управление данными средствами находится в компетенции стран Соединенного Королевства, в то время как военные статьи расходов финансируются из национального бюджета.

Уэльс

Уэльс присоединился к альянсу в 2020 г., однако экономика благополучия не первый год находится в центре публичной дискуссии на данной территории. Идея нашла отражение в стратегических документах, в том числе в стратегиях развития городов [Zeidler et al. 2021]. В 2015 г. в Уэльсе приняли Закон о благополучии будущих поколений (позднее включен в Конституцию Уэльса), направленный на достижение семи целей, в числе которых – процветание, устойчивость, равенство, здоровье, сплоченность сообществ, сохранение и процветание культуры, глобальная ответственность. Приоритеты были сформулированы государством и стейкхолдерами в ходе обсуждения на платформе «Уэльс, который мы хотим видеть» (The Wales We Want National Conversation)¹⁸ [Parker 2022, 212]. В дополнение к трем столпам – экономике, социальной сфере и экологии – в качестве ключевой опоры этого курса в стратегические документы внесли сохранение многовековой валлийской истории и культуры. Для оценки прогресса в достижении поставленных целей предложили набор из 46 национальных показателей. Над разработкой оценочных

¹⁴ Zero Waste Scotland. (<https://www.zerowastescotland.org.uk/>).

¹⁵ Scottish Budget 2022 to 2023. The Scottish Government. 2021. (<https://www.gov.scot/publications/scottish-budget-2022-23/>).

¹⁶ The Myth of Green Growth. Wellbeing Economy Alliance. 2020. (<https://weall.org/the-myth-of-green-growth/>).

¹⁷ Westminster raids Welsh Government funds to pay for military aid for Ukraine. WalesOnline. 30.06.2022. (<https://www.walesonline.co.uk/news/politics/westminster-raids-welsh-government-funds-24361829>).

¹⁸ The Wales We Want National Conversation. (<https://cynnalcyrmu.com/the-wales-we-want-national-conversation/?cn-reloaded=1>).

критериев работают экспертные структуры, такие как Центр публичной политики Уэльса (Wales Centre for Public Policy).

Несмотря на амбициозные заявки, эксперты признают, что действия на локальном уровне без реорганизации системы управления и стратегического планирования имеют ограниченную эффективность [Parker 216]. Уэльс нуждается в модернизации портовой инфраструктуры и энергетической сети, но совместимость таких «традиционных» приоритетов и нового видения развития неочевидна, тем более что в рамках существующей логики планирования бюджетов развития невозможно оценить долговременные эффекты предлагаемых мер¹⁹.

Исландия

Отправной точкой для формирования повестки дня политики благополучия в Исландии стал финансовый кризис 2008 г., который стимулировал пересмотр приоритетов и модели управления экономикой [Abrar 2021, 170–171]. В ряду национальных приоритетов особо выделяются гендерный дискурс и экологическая устойчивость. По показателям гендерного равенства Исландия занимает лидирующие позиции в ведущих международных рейтингах. Соотнесенность с природной средой – ключевой ориентир национальной идентичности исландцев: любые угрозы экосистемам страны ее жители болезненно воспринимают как угрозу им самим, их ценностям и идентичности. Нынешний глава кабинета министров К. Якобсдоттир отмечает, что социальная, экономическая и экологическая составляющие политики неотделимы, а экономика должна быть направлена на борьбу с изменениями климата и с неравенством²⁰. В последние годы в стране отмечается рост общественного доверия к власти, обеспечивающий продвижение приоритетов благосостояния.

По итогам консультаций со стейкхолдерами и с учетом опросов общественного мнения в качестве приоритетных для пятилетнего финансового плана были выделены такие направления, как здоровье, безопасное жилье, баланс между работой и частной жизнью, достижение углеродной нейтральности, инновационный рост и развитие социальных связей [Abrar 2021, 172]. Для оценки эффективности разработана система из 39 показателей²¹. За экспертные оценки отвечают 8 мозговых центров [Óskarsdóttir 2020], в первую очередь – Национальный статистический центр, в обязанности которого входит сбор, мониторинг, анализ и распространение данных по показателям благосостояния населения на постоянной основе, отслеживание и развитие этих показателей в сотрудничестве с ключевыми субъектами. Реализуемые сегодня проекты в основном представлены инвестициями в социальную инфраструктуру, здравоохранение, образование. Все они включены в амбициозный план по достижению углеродной нейтральности не позднее 2040 г.

На рубеже 2010-х гг. в Университете Исландии в Рейкьявике предприняли попытку сравнить уровень благополучия 29 государств, сопоставимых по социальным и экономическим показателям (помимо стран ЕС, США и Канады, в пул включили Австралию, Новую Зеландию, Японию, Южную Корею и Турцию), в корреляции с уровнем их благо-

¹⁹ The impact of infrastructure on wellbeing in Wales. Wales Centre for Public Policy. 23.05.2022. (<https://www.wcpp.org.uk/commentary/the-impact-of-infrastructure-on-well-being-in-wales/>).

²⁰ Iceland and the Wellbeing Economy. Chatham House (YouTube). 2019. (https://www.youtube.com/watch?v=E_yY_iW0iYw&ab_channel=ChathamHouse).

²¹ Indicators for Measuring Well-being. Government of Iceland. Prime Minister's Office. 2019. (<https://www.government.is/lisalib/getfile.aspx?itemid=fc981010-da09-11e9-944d-005056bc4d74>).

состояния (т. е. в сочетании объективных и субъективных показателей). Исландия оказалась в этом списке на шестом месте²².

Как отмечал разработчик данного инструмента, в стране очень небольшой бюрократический аппарат, и правительственные структуры часто обращаются к независимым экспертам. Хотя значительную часть экспертизы передают юридическим фирмам и зарубежным агентствам, некоторые задачи решает национальное научное сообщество. Ввиду небольших масштабов поля «у академических ученых есть возможность вносить вклад в решение практических задач, что, в свою очередь, нацеливает научное сообщество страны на эмпирические исследования прагматического характера» [Ólafsson 2011, 17]. В результате объединения усилий государственных и экспертных структур маленькая страна с населением около 350 тыс. человек разработала амбициозные социально-экологические программы. Имея в виду масштабы и островное географическое положение, их выполнимость во многом определяется природными факторами (в частности, климатическими подвижками), серьезными объективными ограничителями выступают также демографические проблемы, тенденции быстрого старения населения и сокращения рождаемости.

Финляндия

Опыт Финляндии представляет особый интерес, поскольку северные страны считаются примерами «успешной реализации модели социального государства» [Журавлева 2019, 115] в классическом его понимании. Стабильно на протяжении последних трех лет эта страна занимает первую строку в известном «рейтинге счастья» (на третьей позиции – Исландия)²³, хотя значимость и достоверность таких оценок, как уже отмечалось выше, небесспорна.

К партнерству экономик благополучия Финляндия присоединилась последней. Главный вызов для социальной политики страны – старение населения [Lång 2022]. Эксперты прогнозируют увеличение нагрузки на здравоохранение под влиянием климатических изменений²⁴. Для решения этих проблем Финляндия также выбрала модель экономики благополучия. Заметные усилия по продвижению самой концепции Финляндия предприняла во время своего председательства в Совете ЕС в 2019 г. Государство сделало упор на социальную составляющую – важность образования, социального обеспечения, здравоохранения, достижения гендерного равенства, безопасных и здоровых условий труда. Готовность продвигать такую модель закрепили в программе «Инклюзивная и компетентная Финляндия – социально, экономически и экологически устойчивое общество»²⁵. Эти инициативы были институционально подкреплены созданием рабочей группы по экономике благосостояния при Министерстве социального обеспечения и здравоохранения, которая разрабатывает национальную стратегию с учетом национальных реалий. Под эгидой финского парламента работает мозговой центр SITRA – интеллектуальный лидер в разработке такой стратегии, инициатор пилотных проектов локального уровня [Hellström et al. 2015].

²² Comparing Well-Being of Nations – An International Database. Þjóðmálastofnun. Social Research Center, University of Iceland. 2011. (<http://wellbeing.hi.is/29nations.php>).

²³ World Happiness Report. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 17.

²⁴ Healthcare and social welfare must systematically prepare for climate change. Finnish government. 2021. (<https://valtioneuvosto.fi/en/-/1271139/healthcare-and-social-welfare-must-systematically-prepare-for-climate-change>).

²⁵ Inclusive and competent Finland – a socially, economically and ecologically sustainable society. Programme of Prime Minister Sanna Marin's Government. Publications of the Finnish Government. 2019. (https://www.ncsl.org/Portals/1/Documents/educ/International_Ed_Study_Group_2020/Finland/10.Finland2019GovernmentPriorities%20.pdf).

Драйверы развития в условиях высочайшего уровня зарегулированности социальной сферы и принудительного выравнивания доходов нуждаются в инновационных формах поддержки. Особенность Финляндии – внимание к делегированию решений на местный уровень и взаимодействию местных властей с сообществами. Новые управленческие практики также внедряют на уровне финских муниципалитетов²⁶. В отличие от других государств Партнерства WEGo, в Финляндии нет системы индикаторов измерения благополучия, и ориентиры, такие как сокращение неравенства и разрывов в доходах, а также достижение углеродной нейтральности к 2035 г., включены в смежные направления публичной политики.

На платформе «Альянса за экономику благополучия» поддерживаются сетевые коммуникации, популяризируются «хорошие практики» и предлагаются практические решения по продвижению модели экономики благополучия. На аналогичные подходы в той или иной мере опираются многие страны ОЭСР, в ряде государств (например, в Нидерландах) дискурс экономики благополучия интегрирован в более широкий общественный контекст «общества участия». Тем не менее, в обозримой перспективе этот дискурс вряд ли станет мейнстримом даже в контексте пресловутого устойчивого развития, несмотря на попытки распространить его за пределы группы богатых стран-инициаторов разработки целеориентированных национальных стратегий. Данный прогноз не исключает возможностей использования «хороших практик», но необходимы и адекватные ответы на новые вызовы, встающие перед системой управления социальным развитием в радикально изменившейся международно-политической и информационно-технологической среде. Вопрос в том, насколько в принципе возможно дать такие ответы в рамках продвигаемой парадигмы «экономики благополучия» и перехода к «обществу благополучия». Тем более, что мотивация к развитию человека и общества не исчерпывается этими ориентирами.

Политико-экологические дискурсы и социальные приоритеты: проблемы совместимости

Деградация окружающей среды и представленные в докладе Римского клуба прогнозы еще не наступивших экологических катастроф, массовые движения 1960-1970-х гг. и жесткая конкуренция стратегий корпоративных игроков вокруг повестки «зеленого перехода» стимулировали дискуссию о включении экологической политики в стратегии экономического развития стран и интеграционных объединений. В 2019 г. ЕС принял «Зеленый курс», широко известный как «Европейская зеленая сделка» (European Green Deal). Сама постановка вопроса о «сделке» (deal) – хотя, по сути, речь идет о пакете согласованных мер, – отражает неоднозначность приоритетов этой инициативы, ее мощнейшую бизнес-составляющую, но также поиски новых параметров общественного договора о развитии вокруг «зеленой повестки» [Хайнацкая 2021]. На взаимосвязи экологии и развития, которое ранее рассматривали только в экономическом и социальном ключе, строятся сегодня политические программы партий и правительств, а также целевые ориентиры международных организаций, работающих в разных сферах общественной деятельности – от образования и здравоохранения, культуры и туризма до борьбы с голодом и помощи беженцам.

Дискурс о связи окружающей среды и благополучия нашел отражение в серии докладов «Оценки экосистем на пороге тысячелетия» (“Millennium Ecosystem Assessment”), подготовленных под эгидой ООН в 2001–2005 гг. Инициатива была нацелена на выявление

²⁶ Doughnut economics toolbox launch for Finnish municipalities. Doughnut Economics Action Lab. 2022. (<https://doughnuteconomics.org/events/179>).

ние «последствий изменения экосистем для благосостояния человека и создание научной основы для действий, необходимых для повышения эффективности сохранения и устойчивого использования экосистем и их вклада в благосостояние»²⁷. Обе проблемы были включены в ЦУР и в комплекс оценок по критериям ESG, а их объединение оценивается как новый эволюционный шаг в обновлении инструментария экологической и социальной политики [Wallimann 2013]. Сегодня такие организации, как ОЭСР, рассматривают благополучие в качестве системной основы решения климатических проблем²⁸.

Включение экологических и климатических вопросов в повестку дня глобальной политики повлекло за собой интеграцию экологической составляющей в модель экономики благополучия. Однако за рамками общих деклараций о намерениях встают вопросы их совместимости, той социальной цены, которую придется платить за реализацию экологических приоритетов, и обратного ущерба для экологии от социальных обязательств. О рисках для социального государства заговорили уже давно [Eichner, Wagener 2004]. Его функционирование зависит от экономического роста, который считается одной из главных причин, влияющих на изменение климата и деградацию окружающей среды [Büchs, Koch 2017]. Ввиду того, что экологическая политика строится вокруг мер, норм и системы регуляторов, которые требуют масштабных капиталовложений, в силу своей зависимости от государственной поддержки и более низкого адаптационного потенциала страдают менее обеспеченные слои населения [Gough, Meadowcroft 2012]. Сама социальная политика может быть углеродоемкой в результате стимулирования потенциально неустойчивого потребления, обусловленного ростом располагаемого дохода и удовлетворением потребностей для достижения субъективного благополучия [Gough 2017]. Политический класс развитого мира продвигает на международных экспертных площадках идеальную картину совмещения социальной и экологической политики в рамках единой стратегии перехода к устойчивому развитию и благополучию, в то время как его ограничения и противоречия в публичном политическом дискурсе практически не обсуждают [Koch, Fritz 2014]. Учитывая ограниченные возможности государственного бюджета, социальные и экологические инициативы изначально «конкурируют» за финансирование и ресурсы [Dryzek 2008]. Новыми вызовами стали пандемия и растущая международная напряженность, за которыми маячат угрозы эскалации военных конфликтов и голода в беднейших странах. Миграционные потоки, порожденные этими угрозами, могут стать нагрузкой на финансирование социальной сферы, объемы которой трудно прогнозировать.

Возможные пути синергии социальной и экологической повестки, как доказывают ее сторонники – трансформация социального государства в экологическое (ecostate) или в симбиотическое экосоциальное государство (eco-welfare state) [García-García, Buendía, Carpintero 2022]. В обществах с низким уровнем социального неравенства и высоким уровнем декоммодификации (социального обеспечения вне рынка) социальные пособия и «подушки безопасности», которые в той или иной мере предохраняют от рыночных потрясений, могут заложить основы экодгосударства. Его условием является экологическая модернизация [Koch, Fritz 2014], которая предполагает переход на более эффективное использование ресурсного потенциала и энергетики и на «чистые» технологии, что снижает нагрузку на окружающую среду. Применение кривой Кузнеця к анализу возмож-

²⁷ Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis. Island Press, Washington, DC. 2005. (<https://www.millenniumassessment.org/documents/document.356.aspx.pdf>).

²⁸ Climate Change Mitigation through a Well-being Lens “Putting people at the centre of climate action”. OECD. 2019. (<https://www.oecd.org/environment/cc/flyer-climate-change-mitigation-through-a-well-being-lens.pdf>).

ностей экологического развития показывает, что по мере роста доходов государств состояние окружающей среды улучшается, т. к. государства могут внедрять более дорогие и чистые технологии с меньшим ущербом для природы [Panayotou 1997], однако стоимость таких технологий не соотносится с экономической отдачей и социальными эффектами от их использования. Общественную поддержку в стратегической перспективе может обеспечивать переход к постматериальным ценностям под влиянием сдвигов в культурной норме, но усвоение таких установок необязательно предполагает приверженность экологическому образу жизни и перераспределению доходов. О вызовах постматериализма в условиях экономической нестабильности еще в начале 1980-х гг. писал Р. Инглхарт, осмысливая влияние энергетического кризиса и рецессии предыдущего десятилетия [Inglehart 1981]. Приоритеты защиты окружающей среды и стремление к социальной справедливости могут иметь разные побудительные мотивы [Jakobsson, Muttarak, Schoyen 2018]: так, современную экологическую политику обоснованно критикуют как попытку государства благосостояния «сохранить образ жизни с высоким потреблением» за счет остального мира [Bailey 2015]. Климатическую политику неоднозначно воспринимают социально уязвимые слои населения, становясь почвой для зарождения эконационализма [Margulies 2021].

Большие надежды в контексте концепции пост-роста возлагают на образную идею «пончиковой»/кольцевой экономики (doughnut economy). Она также базируется на целях устойчивого развития и, по сути, представляет собой балансирующую между социальными и экологическими показателями концепцию перехода к обществу благополучия. Странники этого подхода ищут возможности соотносить потребности человека и ущерб от их удовлетворения для окружающей среды: с одной стороны, никто не должен жить без удовлетворения минимальных социальных и материальных нужд («в дырке от пончика»), с другой – условием их удовлетворения считается жизнь в экологических границах для сохранения природной среды (не разрывая «кольца пончика») [Raworth 2017].

Метафору широко обсуждают в экспертном сообществе, не разделяющем идеи глобализма, но в ней есть очевидные утопичные послылы²⁹ и серьезные идейные противоречия, ставшие объектом аргументированной критики. Личная жертвенность во имя общего блага и добровольный отказ от наращивания потребностей, мотивированный высоким уровнем экологической сознательности, далеко не всегда приемлемы в экономическом плане – или достижимы в психологическом. В более широком контексте экономики благополучия попытки учесть разноплановые показатели на основе универсальных критериев чреваты опасностью переформатирования сфер ответственности, перекладывания ее с государства на гражданина (как в случае с безусловным базовым доходом), а также имплицитной поддержкой неолиберальных принципов регулирования. Стремление разработать универсальные подходы к достижению баланса между целями развития в рамках современного миропорядка приводят к системному противоречию: в менее развитых странах нужно обеспечивать рост экономики для борьбы с бедностью, но такой рост способствует деградации окружающей среды, в то время как в алармистском «зеленом» дискурсе настойчиво и даже агрессивно продвигается мысль о том, что у человечества нет времени и ресурсов, чтобы поддерживать жизнеспособность в рамках привычной парадигмы роста.

---

²⁹ Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist by Kate Raworth. Brave New Europe. 2018. (<https://braveneweurope.com/doughnut-economics-seven-ways-to-think-like-a-21st-century-economist-by-kate-raworth>).

Заключение.

О контурах новой системы управления социальным развитием

Изучение дискурсов, продвигающих модель экономики благополучия, и общества, созидаемого на фундаменте такой модели, свидетельствует о поисках новых возможностей развития за рамками традиционного государства благосостояния, но также о системных противоречиях в попытках разработать универсальные ориентиры развития. Возможности сопряжения экологической и социальной повестки неочевидны, особенно в свете сдвигов в общественном сознании и в приоритетах публичной политики, произошедших под влиянием пандемии, когда остро встал вопрос о социальных и экономических детерминантах здоровья людей как ключевого измерения благополучия [Dalziel, Cameron 2021].

Среди вовлеченных в дискуссии стейкхолдеров – ученых, экспертов, политиков, гражданских активистов, представителей городских и сельских сообществ или групп интересов, выступающих от имени «зеленых» отраслей бизнеса, немало искренних сторонников идей пост-роста, которые убеждены, что целевые установки экономического развития можно трансформировать, изменив культурные нормы и соответствующую политико-управленческую повестку под влиянием активной позиции граждан и ответственной экспертной работы (см. [Laurent 2021]). Приверженцы данных идей оптимистично смотрят на возможности альтернативных парадигме экономического роста подходов, которые, по их мнению, приближают перспективы «общества благополучия». Однако бюджеты, принятые в ориентирующихся на идеи пост-рост странах, показывают по-прежнему высокий уровень зависимости от поступательной экономической динамики и роста ВВП. Изменение политических приоритетов в пользу решения «зеленых» задач в будущем может способствовать перенаправлению средств из сферы социальных расходов на нужды сохранения окружающей среды или адаптации к этим изменениям, что обернется дополнительной финансовой нагрузкой от налогообложения неэкологичного потребления для граждан. Такие изменения чреваты расхождением между социальными приоритетами и экологическими ориентирами, появлением новых размежеваний в обществах, где широкоэщательные политические призывы к сокращению неравенства не подкреплены ощутимыми для граждан результатами. Так, вынужденное обращение к традиционным источникам энергии сталкивает сторонников решения острых социальных проблем и радикальных приверженцев «зеленой» повестки.

Академическое сообщество, которое представлено преимущественно учеными из развитых и относительно благополучных по меркам социального самочувствия стран, активно продвигает «универсальные» ориентиры социального и экологического управления и соответствующие подходы, способные минимизировать ущерб для своих экономик. Однако предлагаемые приоритеты ограничивают возможности остального мира в достижении сопоставимого с ними уровня и качества жизни, тем самым поддерживая сложившееся разделение между пресловутым «золотым миллиардом» и остальным населением. Очевидно, что нынешний рост международной напряженности и развернувшаяся борьба за ресурсы развития объективно делают еще более неопределенными перспективы пусть избирательной/частичной реализации таких моделей – даже в рамках небольших по мировым масштабам национальных экономик. «Пробуксовки» «бюджетов благополучия» после пандемии – первые свидетельства предсказуемых трудностей. Очевидно, что при нехватке энергетических, продовольственных и других жизненных ресурсов проблемы регулирования ресурсного обеспечения населения встают в полный рост. Для более сложных политико-управленческих структур, функционирующих в крупных экономиках, воплотить такие подходы оказывается тем более непосильной задачей.

В условиях распада сложившегося миропорядка и реформирования экономических связей, а также конфронтации коллективного Запада с Россией и жесткого санкционного давления на РФ усугубляются системные проблемы развития самих прежде благополучных западных обществ: энергетический голод способствует росту инфляции, которая съедает «излишки» бюджетов – потенциальные источники переориентации расходов. В итоге сторонники экономики благополучия оказываются перед дилеммой: выходить из кризиса традиционными методами, ориентируясь на привычные источники роста, либо перестраивать систему управления под новые «зеленые» приоритеты и бороться с очевидными экономическими издержками такого выбора и их мало предсказуемыми социальными последствиями.

Нарративы экономики благополучия не уйдут в небытие, но будет меняться смысловое наполнение самого понятия и критерии его оценки. Абсолютизация показателей ВВП работает против развития, как и стремление опираться сугубо или преимущественно на замеры субъективного благополучия. Амбициозные планы «модельных» национальных стратегий придется по меньшей мере корректировать. Искать баланс между потребностями экономического роста и приоритетами пост-роста, способными смягчать негативные эффекты воздействия роста на среду обитания человека, предстоит, видимо, опытным путем.

Происходящие изменения в структуре миропорядка, кризис западцентричной модели глобализации, рост международно-политической конфликтности и укрепление региональных центров силы размывают универсалистскую социально-экономическую повестку устойчивого развития. Международные площадки разнообразных форматов, которые сложились в последние годы, перестали быть генераторами общих ориентиров. Под вопросом оказывается представительность разного рода рейтингов и других инструментов сравнения векторов развития стран и регионов. В сложившихся условиях ключевым исследовательским приоритетом становится научно обоснованная оценка социальной повестки развития на основе сочетания измеримых и неизмеримых показателей благополучия человека. Возрастает роль экспертного сообщества не только – и даже не столько – в разработке приоритетов политики развития, сколько в пересмотре логики построения соответствующего дискурса. Успех здесь во многом зависит от уровня доверия и культуры диалога в обществе, которые позволяют договариваться о социальной цене предлагаемых к реализации стратегий на национальном уровне и уровне городов и территорий, с использованием как материальных, так и нематериальных ресурсов, на основе продвижения принципов ответственного развития. Хотелось бы надеяться на появление таких новых нарративов, которые способны отразить не только жизненные потребности человека XXI в., но и смыслжизненные устремления личности, живущей в этой стремительно меняющейся социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гамза Л., Ломанов А. (2022). Китай: экономическое восстановление в условиях внешнего давления // В: Год планеты: ежегодник. ИМЭМО РАН. Вып. 2021 г.: Экономика, политика, безопасность. Ред. В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьев. М.: Идея-Пресс. С. 147–161.

Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Субъективное благополучие как ориентир социальной политики // В: Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН. С. 166–179.

Дэн Сяопин (1994). Избранное. Т. III (1982-1992). Пекин: Изд. литературы на иностранных языках. 544 с.

Журавлева Л.И. (2019) Социальное государство: опыт скандинавских стран // Экономика. Общество. Человек: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. С. 115–119.

Мартьянов В.С. (2021) В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.

Нестик Т.А., Журавлева А.Л. (ред.). (2020) Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 594 с. DOI: 10.38098/soc.2020.88.75.001

Нефедов С.А. (2005). Экологическая компонента геополитической безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет. 150 с.

Перегудов С.П., Семененко И.С. (2009) Корпоративное гражданство. Концепции, мировой опыт и российские практики. М.: Прогресс-Традиция. 448 с.

Рашковский Е.Б. (2022). Что же такое развитие? (Заметки историка) // В: Е.Б. Рашковский. Гуманитарная глобалистика: из трудов последних десятилетий. М.: Издатель Воробьев А.В. С. 92–119.

Садовая Е.С. (2020) Концепция и реализация идеи безусловного базового дохода в контексте трансформации социально-трудовой сферы // Социально-трудовые исследования. Т. 38. № 1. С. 59–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72.

Садовая Е.С., Сауткина В.А. (2015) Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М.: ИМЭМО РАН. 206 с.

Садовая Е.С., Бардин А.Л., Довбыш Е.Г. (2016) Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 9. С. 57–66.

Садовая Е.С., Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) (2020) Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. М.: ИМЭМО РАН. 211 с. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0.

Семененко И.С. (2019) Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. № 3. С. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02.

Семененко И.С. (2021) Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. № 2. С. 25–45. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.03.

Хайнацкая Т.И. (2021) Экологический алармизм как политический дискурс // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 22. № 2. С. 53–73. DOI: 10.31429/26190567-22-2-53-73.

Цапенко И.П. (2015) Субъективное благополучие и миграция // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 2–36.

Abrar R. (2021) Building the Transition Together: WEALL's Perspective on Creating a Wellbeing Economy // In: The Well-being Transition. Analysis and Policy. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 157-180.

Bailey D. (2015) The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability // New Political Economy. Vol. 20. No. 6. Pp. 793–811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169.

Buchs M., Koch M. (2017) Postgrowth and Wellbeing: Challenges to Sustainable Welfare. London: Palgrave Macmillan Cham. 144 p. DOI: 10.1007/978-3-319-59903-8.

Dalziel P., Cameron T. (2021) Well-Being Economics // In: The Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health. DOI: 10.1093/acrefore/9780190632366.013.312.

Dryzek J. (2008) The Ecological Crisis of the Welfare State // Journal of European Social Policy. Vol. 18. No. 4. Pp. 334–337. DOI: 10.1177/0958928708094890.

Eichner T., Wagener A. (2004) The Welfare State in a Changing Environment // International Tax and Public Finance. Vol. 11. No. 3. Pp. 313–331.

Esping-Andersen G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity. 248 p.

- Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda*. New York: Crown Publishers Inc. 323 p.
- Etzioni A. (1997) *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 336 p.
- García-García P., Buendía L., Carpintero Ó. (2022) Welfare Regimes as Enablers of Just Energy Transitions: Revisiting and Testing the Hypothesis of Synergy for Europe // *Ecological Economics*. Vol. 197. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2022.107434.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity. 186 p.
- Giddens A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Gough I., Meadowcroft J. (2012) Decarbonizing the Welfare State // In: *Oxford Handbook of Climate Change and Society*. Ed(s): Dryzek J.S., Norgaard R. B., Schlosberg D. Oxford: Oxford University Press. Pp. 490–503. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566600.003.0033.
- Gough I. (2017) Recomposing Consumption: Defining Necessities for Sustainable and Equitable Well-Being // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. No. 375. DOI: 10.1098/rsta.2016.0379.
- Hellström E., Hämäläinen T., Lahti V.-M., Cook J.W., Jousilahti J. (2015) Towards a Sustainable Well-being Society. From Principles to Applications // *Sitra Working Paper 1.4.2015*. (https://www.sitra.fi/app/uploads/2017/02/Towards_a_Sustainable_Wellbeing_Society_2.pdf).
- Inglehart R. (1981) Post-Materialism in an Environment of Insecurity. *The American Political Science Review*. Vol. 75. No. 4. Pp. 880–900. DOI: 10.2307/1962290.
- Jakobsson N., Muttarak R., Schoyen M.A. (2018) Dividing the Pie in the Eco-Social State: Exploring the Relationship between Public Support for Environmental and Welfare Policies // *Environment and Planning C: Politics and Space*. No. 36. Pp. 313–339.
- Koch M., Fritz M. (2014) Building the Eco-Social State: Do Welfare Regimes Matter? // *Journal of Social Policy*. Vol. 43. No. 4. Pp. 679–703. DOI: 10.1017/S004727941400035X.
- Lång K. (2022) An Effort to Save the Nordic Welfare State. *Center for Strategic and International Studies*. (<https://www.csis.org/blogs/european-election-watch/effort-save-nordic-welfare-state>)
- Laurent E. (ed.) (2021). *The Well-Being Transition. Analysis and Policy*. London: Palgrave Macmillan. 285 p.
- Laurent E. (2021) Taking Care of Essential Well-being in the “Century of the Environment”. *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 273–280.
- Maccagnan A., Wren-Lewis S., Brown H. & Taylor T. (2018) Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing // *Social Indicators Research*. Vol. 141. No. 1. Pp. 217–243. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1826-7>.
- Margulies M. (2021) Eco-Nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements // *Consilience*. No. 23. Pp. 22–29.
- Mazzocchi F. (2020) A Deeper Meaning of Sustainability: Insights from Indigenous Knowledge // *The Anthropocene Review*. Vol. 7. No. 1. Pp. 77–93. DOI: 10.1177/2053019619898888.
- Mohamed D. S. M. B. (1999) The Green Flag of Eco-Imperialism // *New Perspectives Quarterly*. Vol. 16. No. 2. Pp. 8–9. DOI: 10.1111/0893-7850.00214.
- Ólafsson S. (2011) Iceland’s Social Inclusion Environment. Working Paper No. 2. Social Research Centre, University of Iceland. 28 p.
- Óskarsdóttir S. (2020) Think Tanks in Iceland // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 43. No. 3. Pp. 207–222. DOI: 10.1111/1467-9477.12183.
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.
- Panayotou T. (1997) Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool // *Environment and Development Economics*. Vol. 2. No. 4. Pp. 465–484.

Parker J. (2022) Politics, Systems Thinking and Building the Wellbeing Economy: The Example of Wales // In: Transformation Literacy. Ed(s): Künkel P., Ragnarsdottir K.V. Cham: Springer. Pp. 203–218. DOI: 10.1007/978-3-030-93254-1_14.

Pautz H., Tozan O. Bradley P., Collins Ch., Sims R. (2019) On Target for 2030? An Independent Snapshot Review of Scotland's Progress against the United Nations Sustainable Development Goals. UWS-Oxfam Partnership: Collaborative Research Reports Series. Report No. 5. July. DOI: 10.13140/RG.2.2.34573.08169.

Player M. (1994) «From Welfare to Well-Being»: Communicating a Vision // Social Policy Journal of New Zealand. No. 3. (<https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj03/03-welfare-to-wellbeing.html>).

Rawls J. (1971) A Theory of Justice. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 607 p.

Raworth K. (2017) Why It's Time for Doughnut Economics // IPPR Progressive Review. No. 24. Pp. 216–222. DOI: 10.1111/newe.12058.

Wallimann I. (2013) Environmental Policy is Social Policy – Social Policy is Environmental Policy. New York: Springer. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-6723-6.

Waring M. (1988). If Women Counted: A New Feminist Economics. New York: Harper & Row. 386 p.

Zeidler L., Muller L., Cairns D., Aigaki-Lander W. (2021) Building A Wellbeing Economy. Roadmap for Towns. Centre for Thriving Places. (https://d1ssu070pg2v9i.cloudfront.net/pex/pex_carnegie2021/2021/05/05092800/Building-a-Wellbeing-Economy-Roadmap-for-Towns-v2-1.pdf).

REFERENCES

Abrar R. (2021) Building the Transition Together: WEALL's Perspective on Creating a Wellbeing Economy. In: *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 157–180.

Bailey D. (2015) The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*. vol. 20, no. 6, pp. 793–811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169.

Buchs M., Koch M. (2017) *Postgrowth and Wellbeing: Challenges to Sustainable Welfare*. Cham: Palgrave Macmillan. 144 p. DOI: 10.1007/978-3-319-59903-8.

Dalziel P., Cameron T. (2021) Well-Being Economics. In: *The Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190632366.013.312.

Deng Xiaoping (1994) *Izbrannoe. T. III (1982-1992)* [Selected works. Vol. III (1982-1992)]. Beijing: Izd. Literaturny na inostrannyh yazykah. 544 p.

Dryzek, J. (2008) The Ecological Crisis of the Welfare State. *Journal of European Social Policy*. vol. 18, no. 4, pp. 334–337. DOI: 10.1177/0958928708094890.

Eichner T., Wagener A. (2004) The Welfare State in a Changing Environment. *International Tax and Public Finance*. vol. 11, no. 3, pp. 313–331.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity. 248 p.

Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda*. New York: Crown Publishers Inc. 323 p.

Etzioni A. (1997) *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 336 p.

Gamza L., Lomanov A. (2022) Kitaj: ekonomicheskoe vosstanovlenie v usloviyah vneshnego davleniya [China: Economic Recovery under External Pressure]. *God planety: ezhegodnik. IMEMO RAS. 2021: Economics, Politics, Security*. Ed(s): Baranovsky V.G., Solovyov E.G. Moscow: Ideya-Press. Pp. 147–161.

García-García P., Buendía L., Carpintero Ó. (2022) Welfare Regimes as Enablers of Just Energy Transitions: Revisiting and Testing the Hypothesis of Synergy for Europe. *Ecological Economics*. vol. 197, July. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2022.107434.

- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity. 186 p.
- Giddens A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) Sub»ektivnoe blagopoluchie kak orientir social'noj politiki [Subjective Well-Being as a Guideline of Social Policy]. In: *Social'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennyh transformacij*. Ed(s): Sadovaya E.S., Tsapenko I.P., Grishin I.V. Moscow: IMEMO. Pp. 166-179.
- Gough I., Meadowcroft J. (2012) Decarbonizing the Welfare State. In: *Oxford Handbook of Climate Change and Society*. Ed(s): Dryzek J.S., Norgaard R. B., Schlosberg D. Oxford: Oxford University Press. Pp. 490–503. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566600.003.0033.
- Gough I. (2017) Recomposing Consumption: Defining Necessities for Sustainable and Equitable Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. no. 375. DOI: 10.1098/rsta.2016.0379.
- Hellström E., Hämäläinen T., Lahti V.-M., Cook J.W., Jousilahti J. (2015) *Towards a Sustainable Well-being Society. From Principles to Applications*. Sitra Working Paper 1.4.2015. (https://www.sitra.fi/app/uploads/2017/02/Towards_a_Sustainable_Wellbeing_Society_2.pdf).
- Inglehart R. (1981) Post-Materialism in an Environment of Insecurity. *The American Political Science Review*. vol. 75, no. 4, pp. 880–900. DOI: 10.2307/1962290.
- Jakobsson N., Muttarak R., Schoyen M.A. (2018) Dividing the Pie in the Eco-Social State: Exploring the Relationship between Public Support for Environmental and Welfare Policies. *Environment and Planning C: Politics and Space*. no. 36, pp. 313–339.
- Khaynatskaya T. (2021) Ekologhicheskii alarmism kak politicheskii diskurs [Environmental Alarmism as Political Discourse]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. vol. 22, no. 2, pp. 53–73. DOI:10.31429/26190567-22-2-53-73.
- Koch M., Fritz M. (2014) Building the Eco-Social State: Do Welfare Regimes Matter? *Journal of Social Policy*. vol. 43, no. 4, pp. 679–703. DOI: 10.1017/S004727941400035X.
- Lång K. (2022) *An Effort to Save the Nordic Welfare State*. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/blogs/european-election-watch/effort-save-nordic-welfare-state>).
- Laurent E. (ed.) (2021) *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. London: Palgrave Macmillan. 285 p.
- Laurent E. (2021) Taking Care of Essential Well-being in the “Century of the Environment”. In: *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 273–280.
- Maccagnan A., Wren-Lewis S., Brown H., Taylor T. (2018) Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing. *Social Indicators Research*. no. 141, pp. 217–243. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1826-7>.
- Margulies M. (2021) Eco-Nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements. *Consilience*. no. 23, pp. 22–29.
- Mart'yanov V.S. (2021) V poiskah drugogo mejnstrima [In Search of Another Mainstream]. *Polis. Political Studies*. no. 4, pp. 112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
- Mazzocchi F. (2020) A Deeper Meaning of Sustainability: Insights from Indigenous Knowledge. *The Anthropocene Review*. vol. 7, no. 1, pp. 77–93. DOI: 10.1177/2053019619898888.
- Mohamed D.S.M.B. (1999) The Green Flag of Eco-Imperialism. *New Perspectives Quarterly*. vol. 16, no. 2, pp. 8–9. DOI: 10.1111/0893-7850.00214.
- Nestik T.A., Zhuravleva A.L. (eds.) (2020) *Chelovek v usloviyah global'nyh riskov: social'no-psihologicheskij analiz* [An Individual in the Context of Global Risks: A Socio-Psychological Analysis.]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAS». 594 p. DOI: 10.38098/soc.2020.88.75.001.
- Nefedov S.A. (2005). *Ekologicheskaya komponenta geopoliticheskoy bezopasnosti* [Environmental Component of Geopolitical Security]. Dissertation. Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet. 150 p.
- Ólafsson S. (2011) *Iceland's Social Inclusion Environment*. Working Paper. No 2. Social Research Centre, University of Iceland. 28 p.

Óskarsdóttir S. (2020) Think Tanks in Iceland. *Scandinavian Political Studies*. vol. 43, no. 3. pp. 207–222. DOI: 10.1111/1467-9477.12183.

Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.

Panayotou T. (1997) Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool. *Environment and Development Economics*. vol. 2, no. 4, pp. 465–484.

Parker J. (2022) Politics, Systems Thinking and Building the Wellbeing Economy: The Example of Wales. In: *Transformation Literacy*. Ed(s): Künkel P., Ragnarsdottir K.V. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-93254-1_14.

Pautz H., Tozan O., Bradley P., Collins Ch., Sims R. (2019) *On Target for 2030? An Independent Snapshot Review of Scotland's Progress against the United Nations Sustainable Development Goals*. UWS-Oxfam Partnership: Collaborative Research Reports Series. Report No 5. July 2019. DOI: 10.13140/RG.2.2.34573.08169.

Player M. (1994) “From Welfare to Well-Being”: Communicating a Vision. *Social Policy Journal of New Zealand*. no. 3. (<https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj03/03-welfare-to-wellbeing.html>).

Peregudov S.P., Semenenko I.S. (2009) *Korporativnoe grazhdanstvo. Konceptii, mirovoj opyt i rossijskie praktiki* [Corporate Citizenship. Concepts, World Experience and Russian Practices]. Moscow: Progress-Tradiciya. 448 p.

Rashkovskij E.B. (2022). Chto zhe takoe razvitie? (Zametki istorika) [What is Development? (Historian's Notes)]. In: *Gumanitarnaya globalistika: iz trudov poslednih desyatiletij*. Eed(s): Rashkovskij E.B. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. Pp. 92–119.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 607 p.

Raworth K. (2017) Why It's Time for Doughnut Economics. *IPPR Progressive Review*. no. 24. pp. 216–222. DOI: 10.1111/newe.12058.

Sadovaya E.S. (2020) Konceptsiya i realizaciya idei bezuslovnogo bazovogo dohoda v kontekste transformacii social'no-trudovoj sfery [Concept and Implementation of the Idea of Universal Basic Income in the Context of Changing Social Labor Sphere]. *Social'no-trudovye issledovaniya*. vol. 38, no. 1, pp. 59–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72.

Sadovaya E.S., Sautkina V.A. (2015) *Transformaciya principov sovremennogo miroustrojstva: social'nyj aspekt* [Transformation of the Principles of the Modern World Pattern: The Social Aspect]. Moscow: IMEMO. 205 p.

Sadovaya E.S., Bardin A.L., Dovbysh E.G. (2016) Indeksy social'nogo samochuvstviya kak instrument issledovaniya i prognozirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov [Indices of Social Well-Being as Tool for Analysis and Forecast of Ethnopolitical Conflicts]. *MEMO Journal*. vol. 60, no. 9, pp. 57–66.

Sadovaya E.S., Tsapenko I.P., Grishin I.V. (eds.) (2020) *Social'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennykh transformacij* [The Welfare State in the Mirror of Social Transformations]. Moscow: IMEMO RAS. 211 p. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0.

Semenenko I. S. (2019) Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Political Studies*. no. 3, pp. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02.

Semenenko I.S. (2021) Diskursy razvitiya v social'nykh naukah: v preddverii eticheskogo povorota [Rethinking Development in Social Sciences: On the Threshold of an Ethical Turn]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 25–45. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.03.

Tsapenko I.P. (2015) Sub»ektivnoe blagopoluchie i migraciya [Subjective Well-Being and Immigration]. *MEMO Journal*. no. 4, pp. 23–36. DOI:10.20542/0131-2227-2015-4-23-36.

Wallimann I. (2013) *Environmental Policy is Social Policy – Social Policy is Environmental Policy*. New York: Springer. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-6723-6.

Waring M. (1988) *If Women Counted: A New Feminist Economics*. New York: Harper & Row. 386 p.

Zeidler L., Muller L., Cairns D., Aigaki-Lander W. (2021) *Building a Wellbeing Economy. Roadmap for Towns*. Centre for Thriving Places. (https://d1ssu070pg2v9i.cloudfront.net/pex/pex_carnegie2021/2021/05/05092800/Building-a-Wellbeing-Economy-Roadmap-for-Towns-v2-1.pdf).

Zhuravleva L. I. (2019) Social'noe gosudarstvo: opyt skandinavskih stran [Welfare State: the experience of the Scandinavian countries]. In: *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. Shuhova. Pp. 115–119.

Информация об авторах

Семененко Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: semenenko@imemo.ru

Хайнацкая Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com

About the authors

Irina S. Semenenko, Doctor of Political Science, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. Email: semenenko@imemo.ru

Tatiana I. Khaynatskaya, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. Email: tkhaynatskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 27.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.08.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 29.08.2022